

УДК 341.01

ПОЛЯКОВ С. И.,

**кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой международного права,
истории права и политико-правовых учений
Днепропетровского национального университета
имени Олеся Гончара**

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье проанализированы акты международного управления, направленные на преодоление кризиса Венской системы безопасности, показан их вклад в развитие международных отношений и права в середине XIX века. Исследованы основные объекты международного управления, дано историко-политологическое толкование норм международного права относительно обеспечения суверенитета, урегулирования территориальных проблем, защиты прав человека и подданного, разрешения споров мирными средствами.

Ключевые слова: Лондонская конвенция 1840 г., Лондонская конвенция 1841 г., «европейский концерт», Крымская война 1853-1856 гг., Парижский конгресс 1856 г., Парижский трактат 1856 г.

Постановка проблемы. 160 лет тому назад состоялся Парижский конгресс, который подвел итоги Крымской войны 1853-1856 гг., установил новую систему коллективной безопасности. Однако и по сей день среди отечественных и зарубежных ученых не утихают дискуссии по вопросу, кто в ней был виноват. Правда, некоторые мифы, сформировавшиеся в политических и общественных кругах стран Западной Европы и России еще в предвоенные годы, оказались на редкость живучими и в наше время. Автор статьи поддерживает мысль о том, что карикатуры Крымской войны – это плоды информационных войн второй четверти XIX века. Николай I, российские дипломаты, государственные деятели других стран, вершившие в середине XIX века европейскую политику, были на самом деле политиками более трезвомыслящими, чем они представлены в историографии Крымской войны. Впрочем, точки над «і» пусть окончательно расставят историки международных отношений и дипломатии.

Анализ последних исследований и публикаций. Авторы академического «Курса международного права» отметили, что Парижский конгресс 1856 г. внес коррективы в систему коллективной безопасности, созданную

победителями «наполеоновских войн» на Венском конгрессе 1815 г., борьба между феодальными и буржуазными началами в международном праве завершилась победой последних, широким распространением новых принципов и институтов, которые были закреплены в актах Парижского конгресса 1856 г. Они указали на неэффективность Священного союза, «европейского концерта» как гарантов коллективной безопасности, на разделение государств на «великие» и «малые», неравноправный характер режима международных рек [1, с. 57-58]. По мнению И.И. Лукашука, инициаторы Священного союза (Россия, Австрия и Пруссия) и присоединившиеся к ним государства фактически отказались от принципов равноправия, создали международную организацию жандармов, которая беспрепятственно вмешивалась во внутренние дела суверенных держав. Международное право, не имея общих принципов, дало неограниченный простор для так называемой свободы договоров между отдельными субъектами [2, с. 51]. Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман впервые выделили в самостоятельное научное направление тематику международных конгрессов и конференций XIX века, что в сравнении с предшественниками является крупным шагом вперед. Однако теоретическая база указанного исследования осталась прежней, а сжатый объем монографии не позволил авторам дать более развернутую характеристику источников. Им пришлось ограничиться констатацией тезиса о том, что Парижский конгресс 1856 г. необходимо рассматривать в качестве важнейшего после Вестфальского и Венского конгрессов, а также перечислением отдельных статей Парижского трактата и Декларации о принципах морского международного права [3, с. 121-122].

Множество проблем и конкретных сюжетов, связанных с Лондонскими конвенциями 1840-1841 гг. и актами Парижского конгресса 1856 г., которые не входят в круг предметных интересов историков международных отношений и дипломатии, имеют непреходящее значение для историков международного права.

Цель статьи – анализ основных объектов международного управления в условиях кризиса Венской системы европейской безопасности, историко-политологическое толкование норм, установленных Лондонскими конвенциями 1840-1841 гг., Венской конференцией послов 1854-1855 гг., Парижским трактатом 1856 г., относительно обеспечения суверенитета, урегулирования территориальных проблем, защиты прав человека и подданного, разрешения споров мирными средствами.

Изложение основного материала исследования. Отечественные ученые единодушны в том, что действительные причины войны – это обострение противоречий в Европе, на Ближнем Востоке и Балканах, а дискуссии вокруг «ключей от храма Гроба Господня» или легитимности императорского титула Наполеона III – лишь внешнее выражение очередного кризиса в Восточном вопросе. Хотя еще в 1852-1853 гг. каждая из противоборствующих сторон пыталась решить возникший конфликт дипломатическими средствами, вряд ли кто детально прорабатывал вопрос о способности

военной организации того или иного государства работать бесперебойно в условиях войны, о «цене войны» в целом. Человеческие жертвы были всеобщими и катастрофическими. По имеющимся данным только на Крымском полуострове, основном театре военных действий, безвозвратные потери составили 134 876 чел. в России, 95 615 чел. во Франции, 45 400 чел. в Турции, 21 827 чел. в Великобритании [4, с. 720]. Оказалось, например, что во франко-британских экспедиционных войсках вообще не было медицинской службы. В тот период никто не фиксировал факты преступлений, совершенных военнослужащими или над ними, военнопленными, мирным населением [5, с. 88–89]. Автор статьи не ставил перед собой задачу развернуто анализировать мотивацию воюющих сторон по заключению мира, но обратил особое внимание на такие судьбоносные события, как восшествие на российский престол Александра II и захват Севастополя войсками союзников. Ф.Ф. Мартенс писал: «Кончина императора Николая I и воцарение Александра II сделали продолжение войны бесполезной тратой народных сил. Александр II категорически выразил намерение заключить мир <...>» [6, с. 281]. После взятия Севастополя среди участников коалиции усилились разногласия о перспективах продолжения войны. Наполеон III считал достигнутыми главные ее цели. По его инициативе были начаты тайные переговоры с Россией. Австрия без промедления заявила о своей готовности присоединиться к союзникам.

Заседания конгресса проходили с 13 (25) февраля по 4 (16) апреля 1856 г. Уполномоченный от России А.Ф. Орлов докладывал Александру II, что главными противниками России на конгрессе выступали Великобритания и Австрия. Франция, напротив, поддерживала российских дипломатов, хотя Александр II с подозрением воспринимал «откровения» Наполеона III [6, с. 294]. 18 (30) марта 1856 г. были подписаны Парижский трактат, Конвенция относительно проливов Дарданельского и Босфорского, Конвенция относительно содержимых в Черном море военных судов, Конвенция об Аландских островах, а 4 (16) апреля 1856 г. – Декларация о принципах морского международного права [7, с. 23–43]. Из указанных актов три имели многосторонний характер, по одному – трехсторонний или двухсторонний характер, но в целом они составили единый источниковый комплекс.

Важнейшими историографическими источниками для толкования-уяснения принятых норм являются исследования видных юристов-международников второй половины XIX – начала XX века. Дореволюционные юристы, анализируя документы конгресса, уделяли первостепенное внимание положению Турции в новой системе безопасности. Так, например, В.Л. Даневский указал, что Парижский конгресс 1856 г. был первым международным собранием, на котором мусульманское государство было официально принято в состав международного союза. Турция вошла в «европейский концерт», стала субъектом международного европейского права [8, с. 59]. Безусловно, главными источниками при изучении коллективных гарантий были и остаются сами тексты указанных документов конгресса.

Однако вся глубина их содержания не может быть понята при одном лишь догматическом толковании.

Источники, на которые опирался Парижский конгресс как коллективный законодатель, логически связаны с Лондонскими конвенциями 1840-1841 гг. [9, с. 93-103]. Конкретно в них речь шла о взаимных обязательствах Австрии, Великобритании, России, Пруссии и Франции в отношениях с Турцией, но, как метко отметил С.А. Жигарев, всесторонне изучивший эти конвенции, в условиях кризиса Венской системы 1815 г. и Священного союза начался процесс формирования и юридического закрепления совершенно новых идей и принципов [10, с. 428-449]. Характерной чертой его позиции является объективность и отсутствие политико-идеологической ангажированности, что выгодно отличало его от сторонников патриотического лагеря, каковым был С.С. Татищев, который неоднократно сетовал по поводу того, что Лондонские конвенции – это удар по национальному самолюбию, поражение российской дипломатии и забвение славы русского оружия [11, с. 633-639]. Он указал на обстоятельства, которые предопределили объектно-предметную конфигурацию Лондонских конвенций: ошибки российской дипломатии, которая сама допустила западных партнеров к обсуждению проблем Турции; судьба христианского населения Турции всегда представляла международный интерес, причем Франция ранее других государств оказывала поддержку своим единоверцам на Востоке; западные державы не могли допустить рокового для равновесия Европы преобладания России на Босфоре. Ученый писал: «В конце первой половины XIX века восточный вопрос вошел в новый фазис своего развития, характеризующийся тем, что Россия вместе с западными державами, прежде хлопотавшими об изгнании турок из Европы, образует теперь «европейский концерт» по делам Оттоманской Порты, судьба которой всецело находилась до сих пор в руках одного русского правительства» [10, с. 449]. Таким образом, имела место реальная опасность новой общеевропейской войны, направленной против России, и если смотреть на сложившуюся ситуацию не с узкопатриотической точки зрения, а с позиций международных интересов, то какие-либо стенания по поводу Лондонских конвенций окажутся совершенно напрасными.

Более категорично по этому поводу высказывался С.М. Горяинов, изучивший историческую обусловленность и преемственность Лондонских конвенций 1840-1841 гг. и Парижского трактата 1856 г. Он утверждал, что Австрия, Великобритания и Франция могли вполне самостоятельно обеспечить неприкосновенность Турции. Но тогда «такая сделка, совершенная без нашего (России – С. П.) участия, представляла бы двойную для нас невыгоду, так как она разъединила бы нас от остальных дворов и соединила бы их вместе для осуществления комбинации, придуманной будто бы в пользу Турции, но в действительности направленной против нас» [12, с. 46-47]. Комментируя эту мысль, необходимо добавить, что с юридической точки зрения не только Россия, но и «европейский ареопаг» в соста-

ве Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции сообща устанавливали миропорядок на Востоке. Россия действительно теряла преимущества, приобретенные ею по Ункяр-Искелесийскому договору с Турцией 1833 г. «Европейский ареопаг» действительно хотел умаления роли России в определении судьбы Турции. Но в той ситуации Россия выступала не противоположной стороной в договорах, а участником их коллективного субъекта. Второй стороной была Турция.

В преамбулах конвенций однозначно говорилось, что статус отдельного участника коллективного субъекта соглашений определялся тем, что соглашения не содержали четыре либо пять отдельных обязательств великих держав по отношению к Турции. Это было единое обязательство, принятое ими на себя коллективно и нераздельно как одна сторона соглашения в отношении второй. Это было обязательство, которое великие державы поручились исполнять не только в отношении Турции, но и в отношении друг друга. Каждое государство отвечало перед остальными своими партнерами-союзниками за нарушение принятых постановлений конвенций. Если бы каждое государство в отдельности возложило на себя то или иное обязательство в отношении Турции, то любое обязательство можно было бы аннулировать, подписав с Турцией соответствующее соглашение. Однако коллективное и нераздельное обязательство могло быть аннулировано только при общем согласии всех государств, с одной стороны, и Турции, с другой стороны [9, с. 93–94, 101–102]. В деле обеспечения европейской безопасности данный принцип был признан системообразующим, и его нарушение квалифицировалось не иначе как повод к войне.

В научной литературе всесторонне освещена история Турции – величайшей империи XV – XIX веков. Со второй половины XVII века начинается ухудшение ее внутреннего и международного положения, а на рубеже XVIII – XIX веков она попала в экономическую и политическую зависимость от иностранных государств. Кризис системы управления Турции, противоречия в социально-экономической и религиозной сферах в той или иной мере затрагивали интересы соседних империй, побуждая их к активному соперничеству между собой и вмешательству во внутренние дела некогда грозного государства [13]. Угроза полного государственного распада вынуждала турецкое правительство обращаться за помощью к великим державам. До 1840 г. Турция входила лишь в двухсторонние соглашения с другими государствами. Лондонские конвенции стали для нее первым опытом участия в многосторонних международных договорах. От нее же исходила инициатива. Конвенции со всей очевидностью доказали, что великие державы были вынуждены учитывать интересы друг друга, умерять свои амбиции ради «общей сделки», а таковой была заинтересованность европейского «ареопага» и России в сохранении Турции. Если «спасение» Турции было выгодно всем субъектам, то коллективная гарантия ее целостности стала фактическим условием военно-политического равновесия в Европе, поскольку был установлен паритет всех веду-

щих государств Европы в делах Востока. Они в свою очередь, признавая равенство интересов, отказывались от каких бы то ни было притязаний на турецкие территории. Значительным достижением Лондонских конвенций было установление обязательств и полномочий сторон. Россия воедино соединила западное и восточное направления своей внешней политики.

Однако рассматриваемые документы сложно называть равноправными в отношении Турции. В преамбуле и ст. 1 Лондонской конвенции 1841 г. содержались нормы о признании суверенных прав султана, восстановлении «древнего правила» (запрет иностранным военным судам входить в Черноморские проливы) и одновременно норма, обязывающая султана твердо соблюдать указанное правило [9, с. 102]. Над Турцией устанавливались коллективный протекторат, соопекунство, право коллективного вмешательства в ее внутренние дела. За витиеватостью формулировок скрывалось не столько внешнее признание верховенства султана, сколько недопущение поступаться «древним правилом» в пользу какой-либо одной державы. По этому поводу С.М. Горяинов писал: «Упоминая о праве, которым султан предоставлял себе пользоваться, как это делалось прежде, конвенция имела в виду, что цель первой статьи заключалась именно в лишении его права, которым он несомненно обладал, на пропуск по своему усмотрению иностранных военных судов в проливы. Первая статья лишала его этого права, нарушая тем самым его верховенство» [12, с. 71]. Не оскорбляя достоинства султана, великие державы соблюли внешнюю форму уважения, но вопрос о проливах решили в удобном для себя смысле.

В декабре 1854 г. – апреле 1855 г. в Вене проходила конференция послов Австрии, Великобритании, России и Франции с целью разработки предварительных условий для заключения мира. Стороны соглашались в том, что Лондонские конвенции были хороши для состояния мира, однако в военное время они совершенно не действовали. Правда, организаторы конференции, придерживаясь принципа «кесарю кесарево, а Богу Богово», не пригласили представителей Турции, хотя пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. объяснялся именно необходимостью усилить связь между европейским равновесием и единством Турции в качестве целостного государства. «Хозяйка» конференции Австрия, защищая свои интересы в европейских владениях султана посредством «выдавливания» России, предложила установить норму о так называемом «ручательстве», или гарантиях неприкосновенности турецких территорий со стороны великих держав. Кроме того, было предложено исключить Россию из числа государств, к которым могла бы обратиться Турция в случае необходимости. Россия решительно возражала, мотивируя свою позицию тем, что сохранение неприкосновенности Турции – это общее пожелание, а вовсе не обязанность; внутреннее состояние империи таково, что всякие попытки великих держав продлить ее длительное существование абсолютно тщетны; гарантии территориальной целостности Турции целесообразно связать с вопросом о защите прав православного населения. Еще на Венском конгрессе российская делегация

ставила проблему о положении христианского населения в Турции, однако другие участники конгресса не проявили к ней никакого интереса. Не стала она предметом и Лондонских конвенций, хотя непреложными оставались факты: религиозные реформы в Турции фактически не проводились, а Крымская война началась именно из-за спора вокруг «ключей от храма Гроба Господня». В контексте нашей темы наиболее развернутую характеристику религиозной ситуации как предпосылки войны дал Ф.Ф. Мартенс. Особое значение имеют следующие выводы: между христианскими и мусульманскими государствами в течение многих веков существовали враждебные отношения; завоевание турками Константинополя указало Европе на ту опасность, которую представлял для нее ислам, а присутствие Турции на Балканах стало мощным фактором международной политики; в отношениях между западноевропейскими государствами и Турцией доминировал политический расчет, а в российско-турецких отношениях – религиозный мотив; западноевропейские государства были озабочены защитой интересов своих подданных на турецкой территории, а Россия была вынуждена защищать не только собственных подданных, но и православных подданных султана, что обуславливалось расколом единой христианской церкви на западную и восточную, особенностями их организации (в первом случае централизованной, во втором – центробежной), численным преобладанием православного населения в европейских владениях Турции; единоличный протекторат России над турецкими христианами, установившийся в последней четверти XVIII – первой трети XIX века, сильно раздражал западноевропейские правительства [14, с. 101, 113-114, 117-122].

Религиозные интересы в отношениях между государствами приобрели значение объекта международного управления. Гарантией государственного единства Турции могло быть международно-правовое закрепление прав христиан на ее территории, поскольку с точки зрения юридического позитивизма цивилизованные христианские государства не могли оставаться сторонними наблюдателями ситуации, когда на основании внутреннего законодательства, определенной исторической традиции не только иностранцы, но и собственные подданные подлежали преследованию либо лишению гражданских прав из-за своих религиозных верований.

Базовым политическим актом Парижского конгресса был трактат. Хотя в целом Россия и потерпела поражение в войне, данный трактат, а также другие принятые документы нельзя назвать актом капитуляции, в котором побежденная сторона безоговорочно принимала все требования победителя. Россия выступала суверенным субъектом международного права. Нормы Лондонских конвенций, в разработке которых она приняла деятельное участие, фактически получили «второе рождение». К тому же российская дипломатия сумела оказать существенное влияние на содержание Венских прелиминарных условий. В статьях трактата нашли отражение все наиболее важные объекты права коллективной безопасности Европы: гарантии безопасности Турции, правовой режим проливов Босфор

и Дарданеллы, нейтральный статус Черного моря, правовой режим Дуная, установление новой границы России в Бессарабии и расширение территории Молдавского княжества, гарантии автономии Валахии, Молдавии и Сербии, границы России и Турции в Азии, торговые отношения, присвоение Аландским островам статуса демилитаризованной зоны.

Выводы. В 20–30 гг. XIX века в основание права европейской безопасности было заложено юридическое признание Австрии, Великобритании, Пруссии и России в статусе «общеевропейских законодателей», устанавливающих миропорядок и баланс сил в Европе. Поскольку Турция, переживавшая глубочайший кризис, не принимала участия в Венском конгрессе, ее европейские владения и другие геополитические объекты, которые остались вне досягаемости «общеевропейского законодателя», еще более усилили конкурентную борьбу между великими державами. На рубеже 1830–1840 гг. к этой борьбе присоединилась Франция. Лондонские конвенции 1840–1841 гг. юридически оформили сложившееся на тот момент военно-политическое равновесие, придав межгосударственным отношениям в Европе мирную направленность в течение последующего десятилетия. Однако в конечном итоге не удалось избежать войны, что было обусловлено, с одной стороны, закреплением неравноправного положения Турции, допустимости вмешиваться в ее внутренние дела, а с другой – возможностью создания различных коалиций. Уникальной новеллой международного права в целом была норма Парижского трактата о религиозной свободе и веротерпимости. Если Вестфальский мир 1648 г. впервые распространил норму о защите религиозной веротерпимости только на протестантов, то Парижский конгресс 1856 г. ввел в состав «европейского концерта» мусульманскую Турцию, обязав ее обеспечивать веротерпимость в отношении своих христианских подданных.

Литература:

1. Курс международного права : [монография] : в 7 т. / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1989–1993. – Т. 1. – 1989. – 360 с.
2. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : [учебник] / И.И. Лукашук. – М. : БЕК, 1997. – 371 с.
3. Баскин Ю.А. История международного права : [монография] / Ю.А. Баскин, Д.И. Фельдман. – М. : Международные отношения, 1990. – 203 с.
4. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах (IX – XX вв.). Выпуск 2: войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка : [справочник] / В.В. Похлебкин. – М. : Международные отношения, 1995. – 784 с.
5. Репецкий В.М. Міжнародне гуманітарне право : [підручник] / В.М. Репецкий, В.М. Лисик. – К. : Знання, 2007. – 467 с.
6. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами : в 15 т. / Ф.Ф. Мартенс. – СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщений, 1874–1909. – Т. 15. – 1909. – 837 с.

7. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / сост. И.В. Козьменко ; под ред. Е.А. Адамова. – М. : Госполитиздат, 1952. – 463 с.
8. Даневский В.Л. Пособие к изучению истории и системы международного права : [монография] / В.Л. Даневский. – Х. : Тип. А.Н. Гусева, 1892. – Вып. I. – 230 с.
9. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / сост. Т.П. Юзефович. – СПб. : Тип. О.И. Бакста, 1869. – 294 с.
10. Жигарев С.А. Русская политика в Восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки : [монография] : в 2 т. / С.А. Жигарев. – М. : Университетская тип., 1896– . – Т. 1. – 1896. – 465 с.
11. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны : [монография] / С.С. Татищев. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1887. – 639 с.
12. Горяинов С.М. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главном архивах : [монография] / С.М. Горяинов. – СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1907. – 355 с.
13. Новичев А.Д. История Турции : [монография] : в 4 т. / А.Д. Новичев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1963–1978. – Т. 1. – 1963. – 314 с. ; Новичев А.Д. История Турции : [монография] : в 4 т. / А.Д. Новичев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1963–1978. – Т. 2. – 1968. – 280 с. ; Новичев А.Д. История Турции : [монография] : в 4 т. / А.Д. Новичев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1963–1978. – Т. 3. – 1973. – 205 с. ; Новичев А.Д. История Турции : [монография] : в 4 т. / А.Д. Новичев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1963–1978. – Т. 4. – 1978. – 272 с.
14. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : [монография] : в 2 т. / Ф.Ф. Мартенс. – СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщений, 1882–1883. – Т. 2. – 1883. – 563 с.

Поляков С. І. Еволюція права європейської безпеки в середині ХІХ століття

Анотація. У статті проаналізовано акти міжнародного управління, спрямовані на подолання кризи Віденської системи безпеки, висвітлено їх роль у розвитку міжнародних відносин і права в середині ХІХ століття. Досліджено основні об'єкти міжнародного управління, подано історико-політологічне тлумачення норм міжнародного права щодо забезпечення суверенітету, урегулювання територіальних проблем, захисту прав людини та підданого, вирішення спорів мирними засобами.

Ключові слова: Лондонська конвенція 1840 р., Лондонська конвенція 1841 р., «європейський концерт», Кримська війна 1853–1856 рр., Паризький конгрес 1856 р., Паризький трактат 1856 р.

Polyakov S. Evolution of European security law in the middle of the XIX century

Summary. The article provides an analysis of acts of international governance aimed at overcoming the crisis of the Vienna security system; also, it shows their contribution to the development of the international relations and law in the middle of the XIX century. Furthermore, the author conducts research of the major objects of the international governance, and provides historical-political interpretation of the norms of international law concerning guarantee of sovereignty, resolution of territorial problems, protection of human rights and those of patrials, peaceful resolution of disputes. In the 20th–30th of the XIX century, European security law has been based on the recognition of Austria, Great Britain, Prussia and Russia in the capacity of “Europe wide legislators” who define legal order and balance of power in Europe. At the edge of 30th–40th of the same century, France joined the group of powerful countries. London Conventions of 1840–1841 formalized military-political balance that had formed by the time, allowing interstate relations to develop peacefully in the course of coming ten years. However, it turned out to be impossible to avoid the Crimean war, caused by the unequal status of Turkey and by the possibility of other states to interfere in its internal affairs as well as by the opportunity to create manifold coalitions. The norm of Paris tractate about religious freedom and toleration has become the unique norm of international law. If the Peace of Westphalia of 1648 applied the norm about protection of religious toleration for the first time only to the protestants, Paris congress of 1856 drew Muslim Turkey to “Concert of Europe” whereby making it guarantee toleration towards its Christian patrials.

Key words: London convention of 1840, London convention of 1841, “European concert”, Crimean war of 1853–1856, Paris congress of 1856, Paris tractate of 1856.